

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

К.О.МУХЛАЕВ

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ МЕСТО
В ПРОЦЕССАХ ОБНОВЛЕНИЯ РОССИИ

В статье рассмотрены основные проблемы, с которыми столкнулись революционно настроенные круги и царское правительство в ходе первой русской революции. Проанализировано влияние правительственной политики на формирование революционно настроенных масс.

This article examines the main problems faced by revolutionary circles and the tsarist government during the First Russian Revolution. The influence of government policy on the formation of revolutionary-minded masses is analyzed.

Ключевые слова: революция 1905-1907 гг., политическая модернизация, Государственная дума, Российская империя.

Keywords: The Revolution of 1905-1907, political modernization, the State Duma, the Russian Empire.

В исторической литературе уже давно утвердилось мнение, что первая российская революция закончилась поражением демократических сил. Однако не будем забывать, что царизм и консервативные круги одержали лишь частичную, относительную победу и вынуждены были отступить с прежних, долгое время казавшихся незыблемыми позиций, с большими потерями во всех сферах социально-экономической и общественно-политической жизни. И если революционеры и либералы не смогли добиться в 1905–1907 гг. всего, что было записано в их программных документах, то и правительственный лагерь не сумел сохранить дореволюционный статус-кво.

Самодержавно-абсолютистская система в результате революции не просто покачнулась, а изменила вектор своего развития в сторону конституционно-парламентской монархии, хотя и в особой, специфически российской форме.

Был сделан и новый шаг к формированию в России гражданского общества, а народ явно продвинулся вперед в долгом и мучительном процессе превращения «нации рабов» в свободных граждан, достойных самоуважения и уважения других членов мирового сообщества.

Все эти, хотя еще и не завершенные, но принципиально важные трансформации стали результатом переплетения и взаимодействия

двух взаимосвязанных процессов – революционного и реформаторского, инициированного еще в XIX в. самой императорской властью, но значительно ускоренного и радикализованного под давлением восставших против самодержавия народных масс и либеральной оппозиции, а также поражения в войне с Японией.

Революция, став наказанием правящим «верхам» за хроническое запаздывание с проведением реформ, быстро превратилась для властей в стимулятор «замороженных» прежде преобразований, призванных теперь с целью перехватить инициативу у либералов и революционеров и погасить пламя общественного возмущения.

В течение целого столетия перед революцией российские самодержцы категорически отказывались вступить на путь конституционализма. Введение конституции казалось им концом державной мощи империи, актом, способным низвести Россию до положения третьестепенного европейского государства вроде Австрии.

Понадобился позор Цусимы, восстание на «Потемкине», унижительный петергофский « плен » царской семьи в дни Всероссийской октябрьской стачки, чтобы Николай II « дозрел » до подписания манифеста о даровании народу свободы и превращении обещанной в феврале 1905 г. законосовещательной Думы в законода-

тельную. Затем, в апреле 1906 г., появилась новая редакция Основных законов, где император, скрепя сердце, согласился признать себя хотя и самодержавным, но уже не неограниченным, как прежде, монархом.

В итоге Россия, не став еще конституционной монархией западноевропейского типа, превратилась в ходе революции в думскую монархию с крайне урезанными правами парламента и огромной властью императора, его ближайшего окружения и высшей бюрократии.

Думская монархия представляла собой дуалистическую конструкцию, в которой законодательная власть приобрела, по крайней мере, внешние конституционные формы, а исполнительная осталась на уровне авторитарной, командно-административной системы.

Государственная дума не могла вмешиваться в процедуру назначения и смещения министров, а предоставленное депутатам право запросов министрам при всей своей внешней демократичности было, по существу, совершенно неэффективным, ибо никаких организационных выводов из подобных дебатов обычно не делалось. Ограничены были и бюджетные права Думы.

Что касается прав царя в области внутренней и особенно внешней и военной политики, то они были весьма внушительны: без его подписи не вступал в силу ни один закон, принятый Государственной думой и Государственным советом. Кроме того, существовала 87-я статья Основных законов, дававшая правительству право проводить те или иные мероприятия в обход Думы, хотя в дальнейшем и требовалось их одобрение депутатами после возобновления думских заседаний.

Не будет преувеличением сказать, что и после 1905 г. в России законодательствовали не столько депутаты Государственной думы и члены Госсовета, сколько правительственные ведомства и царь.

Обе первые Думы занимались фактически не законотворчеством, а лишь обсуждением политической ситуации в стране, выливавшемся, как правило, в бурный митинг, в ходе которого было много чистой риторики и демагогии, пропаганды взглядов той или иной партии и обвинений в адрес власти, но мало деловой работы.

Лишь начиная с III Думы работа царского

парламента стала входить в нормальное русло, но здесь власть сумела отработать целую систему переключения внимания депутатов на так называемую «парламентскую вермишель» – бесчисленные организационно-бюрократические и мелкие финансовые вопросы, заслонявшие большие социально-экономические и общественно-политические проблемы, стоявшие перед страной.

И все же, после 1905 г. под влиянием революции в России заработал пусть еще очень несовершенный, но принципиально новый механизм известного соучастия общества в управлении страной, главными инструментами которого были Государственная дума, печать и многопартийная система, возникшая фактически явочным порядком, но так или иначе признанная властью, которая вынуждена была выслушивать даже явно революционные по своему характеру выступления в Думе социал-демократических депутатов.

Если в последней трети XIX в. в результате Великих реформ общество было допущено к делам местного самоуправления, то в начале XX в. этот процесс пошел дальше, и в России появились наконец публичная политика и публичные политики, причем роль революции 1905-1907 гг. в этом процессе трудно переоценить.

Проведенная после Всероссийской октябрьской политической стачки реформа правительства и появление регулярно действующего Совета министров также имели положительное значение для укрепления российской государственности.

Естественно, в Совете министров сохранились различные группировки. Тем не менее, даже полная зависимость министров и главы правительства от царя не могла помешать Совету министров более оперативно вмешиваться в ход государственных дел, причем полностью игнорировать его позицию верховная власть уже не могла.

О многом говорит и тот факт, что в 1905-1906 гг. власть вынуждена была пойти на переговоры с рядом оппозиционно настроенных общественных деятелей на предмет их участия в правительстве. И хотя по разным причинам они не увенчались успехом и вообще носили во многом чисто пропагандистский характер, в XIX в. в российской политической практике подобного

«торга» министерскими портфелями вообще не было.

Что касается чиновничьего аппарата, от которого в первую очередь и зависело исполнение законов и реальное управление государственной машиной, то революция практически мало что изменила в его статусе и социальном и интеллектуальном облике.

В среде высшей бюрократии превыше всего ценились не деловые качества, а личная преданность монарху и Системе. Рядовое же чиновничество было сковано в своих действиях строгим чинопочитанием и бюрократической рутинной, формализмом, а часто и элементарной некомпетентностью в тех вопросах, которыми оно призвано было заниматься.

При этом чем дальше, тем хуже государственный аппарат Российской империи справлялся со стоявшими перед ним задачами и все меньше соответствовал требованиям быстротекущего времени, что, в конечном счете, работало против царского режима.

Инстинкт самосохранения подсказывал власти тактику маневрирования и ускорения и радикализации реформаторского процесса, хотя удовлетворить непрерывно возраставшие запросы образованного общества и, тем более, народных масс она не могла. Уступки лишь разжигали аппетиты либералов и революционеров, постоянно обвинявших правительство в непоследовательности и ограниченности проводимых преобразований.

Начав в феврале 1905 г. с обещаний созвать, наконец, долгожданное народное представительство, Николай II в апреле пошел на отмену преследований и ограничений в отношении неправославного населения страны [1].

Все христиане (а фактически и нехристиане) получили право беспрепятственно строить свои молитвенные здания, издавать духовную литературу, создавать духовные братства. Был положен конец гонениям на сектантов различного толка, в том числе и на старообрядцев, игравших огромную, до сих пор недооцененную, роль в хозяйственной и культурной жизни страны.

Трудно переоценить также значение состоявшейся в декабре 1905 г. отставки с поста обер-прокурора Синода такого столпа консерватизма и «охранительства», как К.П.Победо-

носцев. Пришедший на смену ему кн. А.Д.Оболенский был известен как человек либеральных взглядов и участвовал в подготовке манифеста 17 октября.

Началась работа по подготовке к созыву Поместного собора Русской православной церкви и создано Предсоборное присутствие, материалы которого были опубликованы. Однако давно назревшая реформа Православной церкви была после окончания революции отложена, что имело явно негативные последствия и способствовало дальнейшему падению роли Церкви и усилению в российском обществе атеистических тенденций.

Весь 1905 г. прошел под знаком мощного студенческого движения, парализовавшего работу высшей школы. Студенты шли в первых рядах революционно настроенной части общества, нередко опережая даже рабочих.

Поэтому в августе 1905 г. правительство пошло на то, чтобы подтвердить университетскую автономию, которая была введена еще при Александре I, но затем дважды ограничивалась (хотя и не отменялась полностью) при Николае I и Александре III [2].

Несмотря на то, что гражданские и тем более политические права студентов в новых «Временных правилах» никак не оговаривались, уже один их пункт, запрещавший самочинное присутствие полиции на территории высших учебных заведений, позволил осенью 1905 г. использовать университеты и институты как место проведения собраний и митингов с участием членов революционных партий и рабочих.

Этот фактор сыграл немалую роль в дни Всероссийской октябрьской стачки 1905 г. и, несомненно, помог Витте и его команде «пробить» манифест 17 октября.

В дальнейшем, по мере спада революционной волны, «Временные правила», наоборот, помогли стабилизировать ситуацию в высшей школе и повернуть активность студентов и профессуры в русло нормального учебного процесса.

Опубликованные 4 марта 1906 г. «Временные правила о профессиональных обществах, учреждаемых для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, или для владельцев этих предприятий» [3] устанавливали порядок их создания и права.

Цель создания профессиональных союзов трактовалась в законе достаточно узко: «выяснение и согласование экономических интересов», выдача пособий, оказание содействия по приисканию работы, юридическая и медицинская помощь членам союза, устройство библиотек и проведение различных культурно-просветительных мероприятий.

Устав каждого союза подлежал утверждению губернатором, а на профсоюзных собраниях обязательно должны были присутствовать члены полиции. Запрещалось объединение союзов в пределах губернии и даже одного города, не говоря уже о создании более широких региональных и общероссийских объединений.

Права объединяться в союзы были лишены служащие железных дорог, почты и телеграфа, государственных учреждений и банков.

Регистрация каждого нового союза была обставлена столь сложными формальностями, что превращалась для его учредителей в настоящее «хождение по мукам». Зато прекращать деятельность профсоюзов в административном порядке было очень легко. Предлогом для этого могли послужить призыв к стачке, вмешательство в отношения между работодателями и рабочими, политическая неблагонадежность членов правления, «деятельность, угрожающая общественной безопасности».

И все же новый закон открывал известные возможности для организации пролетарских масс и защиты их интересов, чем рабочие и революционные партии не замедлили воспользоваться.

Временные правила 1906 г., просуществовавшие до 1917 г., регламентировали также деятельность многочисленных культурно-просветительных, спортивных и благотворительных общественных организаций России, превращавшихся в один из элементов нарождавшегося в стране гражданского общества.

Кроме того, был проведен и ряд других реформ, направленных на разрядку социально-политической напряженности в стране.

В отечественной исторической литературе редко упоминают о военной составляющей того пакета реформ, который был представлен правительством в 1905-1907 гг. Между тем, неудачная русско-японская война и многочисленные вспышки антиправительственных выступ-

лений в армии и на флоте в 1905-1906 гг. заставили царские власти в срочном порядке провести ряд важных, хотя, разумеется, и не кардинальных преобразований в системе управления вооруженными силами и их комплектования.

В июне 1905 г. был создан Совет государственной обороны во главе с вел. кн. Николаем Николаевичем, а в 1906 г. – Высшая аттестационная комиссия (ее решениями в 1906 г. из армии были уволены 58 генералов). В 1906 г. было объявлено о сокращении сроков действительной военной службы в пехоте и в полевой артиллерии до 3 лет, в остальных сухопутных войсках – до 4 лет, а на флоте – до 5 лет. Сокращался срок пребывания военнообязанных в запасе (13-15 лет). Несколько улучшалось питание и вещевое довольствие солдат и повышалось жалование офицеров [4, С. 157-158].

Ход революции убедительно показал, что, несмотря на широкий размах национальных движений Российской империи пока еще не грозил распад и гражданская война на религиозно-этнической почве.

С одной стороны, были еще достаточно сильны административно-силовые, экономические и социокультурные «скрепы», обеспечивавшие сохранение единого многонационального централизованного государства.

С другой – преобладание центристских сил над центробежными во многом объяснялось слабостью сепаратистских тенденций в поведении национальных элит, а также более широких общественных кругов и народных масс национальных районов, которые в подавляющем большинстве случаев еще не решались ставить вопрос об отделении от России и не шли дальше требований культурно-национальной или национально-территориальной автономии в рамках демократизированного, но единого Российского государства.

Большое значение имело и то, что в революционных кругах делалась ставка на первоочередное решение социальных, а не национальных проблем, и последовательно пропагандировались идеи интернационального единства трудящихся, а не разделения их по национальному признаку.

Более чем умеренный характер носили также требования российских либералов в национальном вопросе, в основном ограничивавшие-

ся лозунгом культурно-национальной автономии нерусских народов.

Что касается социально-экономических реформ, то они затронули в основном сферу аграрных отношений и касались сокращения, а с 1907 г. и полной отмены выкупных платежей, а также продажи крестьянам некоторых казенных и удельных земель.

С 1907 г. началась реализация столыпинской аграрной реформы, в полной мере развернувшаяся уже после окончания революции. Однако аграрный, как и рабочий, вопрос остался в России нерешенным, что обусловило неизбежность продолжения революционного процесса и привело в конце концов к революции 1917 г.

В итоге процесс модернизации России сделал в результате революции кратковременный рывок вперед, но не получил постоянно действующего ускорения, в котором так нуждался.

Революция 1905-1907 гг. не смогла предотвратить последующих революционных потрясений в России. Более того, она подготовила для них почву, дав народным массам опыт социальной и политической борьбы, которому «верхи» не смогли противопоставить эффективной политики социального маневрирования и компромиссов.

Литература:

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 21. 1 отд. № 26125.
2. Там же. № 26692.
3. Там же. Т. 26. 1 отд. № 27479.
4. Кавтарадзе А.Г. Военные реформы в России 1905-1912 гг. // Реформы и реформаторы в истории России. М., ИНИОН РАН, 1996.